

ПОЗДНЕИМПЕРСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия. E-mail: pober1871@mail.ru

Сперанский Пётр Андреевич, студент 4 курса Департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. E-mail: pasperanskiy@mail.ru

Аннотация. В статье проведена научная инвентаризация основных теоретико-методологических взглядов и концептуально-историографических подходов современных авторов, анализировавших модернизационные трансформации, происшедшие в Российской империи в ходе «Великих реформ» 1860–1870-х гг. Сделан вывод, что при всем оценочном многообразии и дискуссионном осмыслении преобразований Александра II в определяющих государственных сферах, доминируют позитивные характеристики, демонстрирующие их значимость в прогрессивном развитии российского социума.

Ключевые слова: Россия, Александр II, Великие реформы, общество, историография, модернизация, концепция, теория модернизации.

LATE IMPERIAL MODERNIZATION OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY: CONCEPTUAL-HISTORIOGRAPHIC ASPECT

Poberezhnikov Igor V., Doctor of Sciences (History), Director at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS. Yekaterinburg, Russia

Speranskiy Petr A., 4nd year student of the Historical Department of the Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper discusses main theoretical and methodological views as well as conceptual and historiographical approaches of modern authors who analysed modernization transformations that took place in the Russian Empire during the “Great reforms” of the 1860s–70s. The paper concludes that despite all diversity in views and disputable understanding of the reforms of Alexander II in important public spheres positive characteristics that demonstrate importance of the reforms for progressive development of Russian society dominate in historiography.

Keywords: Russia, Alexander II, Great reforms, society, historiography, modernization, concept, theory of modernization.

На рубеже XVII–XVIII вв. российское государство оказалось вовлечено в процессы модернизационных изменений, которые вовлекли в свою орбиту практически все сферы жизни социума. Модернизационный переход в России растянулся на несколько столетий и чаще всего характеризовался конкретными шагами того или иного правителя, как по внедрению экзогенного (внешнего) опыта, так и аккумуляции эндогенных (внутренних) инноваций с последующей их инкорпорацией в российскую социальную действительность. В связи с этим, серьезный научный интерес представляет концептуальное и историографическое рассмотрение проблем «александровской» модернизации – одной из важнейших стадий российского модернизационного развития, связанной с реформами императора Александра II 1860–1870-х гг. [5].

После смерти Николая I вместе с огромной империей в наследство будущему царю-освободителю достался целый комплекс социальных, экономических

и политических проблем, требовавших немедленного решения. От оперативности и эффективности назревших преобразований зависела дальнейшая судьба Российского государства. К середине XIX в. Россия оставалась единственной европейской страной, сохранявшей крепостное право, которое существенно тормозило ее развитие абсолютно во всех сферах жизни общества. Нерешенный крестьянский вопрос значительно задерживал социально-экономическое и политическое развитие страны. Негативной тенденцией в политико-государственном развитии Российской империи являлась и остававшаяся неизменной с времен екатерининских «Жалованных грамот» 1785 г. система местного управления, которая к временам «александровской» эпохи уже морально устарела и нуждалась в коренной перестройке в соответствии с основными модусами эпохи модерна.

Дореформенный суд в Российской империи был несовершенен, имел огромное количество недостатков:

обычной практикой в российской судебной системе были взяточничество и вымогательство, произвол, волокита и бесконечное хождение дел по инстанциям. Запутанность и многоступенчатость судопроизводственного аппарата приводили к тому, что судебные процессы могли затягиваться до бесконечности. Более того, российская система судотворчества не знала таких западных судопроизводственных принципов, как гласность и независимость суда, состязательность сторон, независимость и несменяемость судей.

Неудачи русского оружия в Крымской войне (1853–1856) вскрыли вопиющие недостатки николаевской армии и всей военной организации Российской империи. Вооружение российских войск технически устарело, не отвечало требованиям ведения современной войны и в разы уступало западноевропейским образцам. Не претерпевавшая никаких существенных изменений еще с времен военно-технической модернизации Петра Великого система рекрутских наборов в новых условиях не соответствовала передовым моделям западных армий и тормозила развитие отечественных вооруженных сил. Не в лучшем состоянии к середине XIX в. находилась и система военного образования.

Наконец, в социокультурной сфере деятельности российского общества давали о себе знать консервативно-охранительные меры, предпринятые еще в эпоху предшествующего николаевского правления, сводившие практически на «нет» модернизационное развитие всей образовательной системы, а также препятствующие становлению важнейшего института современного общества – средств массовой информации.

Именно на решение этого важнейшего комплекса проблем была направлена преобразовательная деятельность реформаторов середины XIX столетия, получившая в историографии наименование «Великих реформ». Основой модернизационных изменений эпохи правления Александра II, с разной степенью эффективности затронувших практически все сферы жизни российского социума, стало проведение крестьянской реформы 1861 г., в целом ликвидировавшей крепостное состояние в России.

Модернизационный толчок также обусловили реформы в сфере народного образования, обеспечившие, в первую очередь, формирование университетской автономии на основе принятия либерального устава. Социальной модернизации способствовали: земская реформа 1864 г., содействовавшая развитию местного самоуправления; судебная реформа 1864 г., внедрившая в российскую судебную практику европейские принципы судопроизводства; реформы в области цензуры и печати 1865 г.; городская реформа 1870 г., заложившая основы муниципального самоуправления; и наконец военная реформа, способствовавшая военно-технической и военно-организационной модернизации русской армии.

Перечисленные реформы Александра II являются одним из важнейших этапов российского модернизационного процесса, поэтому, отнюдь не случайно, они не раз попадали в поле зрения современных отечественных исследователей. Инвентаризация и структурирование накопленных исторических знаний имеет важное значение для развития отечественной науки,

закрывающееся в конкретно-историческом и теоретическом осмыслении происходивших в России в середине XIX столетия модернизационных процессов.

Давая концептуально-историографическую характеристику использования теории модернизации при изучении либеральных преобразований Александра II, стоит отметить определенную разноплановость оценок современных российских историков роли реформ второй половины XIX в. в процессе российских модернизаций.

Как уже было отмечено выше, начиная с 1990-х гг., модернизационный подход стал широко использоваться отечественными обществоведами для объяснения особенностей конкретно российского перехода от традиционного общества к современному. В российской исторической науке одной из первых сформировалась пессимистическая интерпретационная модификация теории модернизации, согласно которой модернизационные трансформации в России трактуются как субоптимальные попытки властей вывести страну на «нормальный» западный путь развития. Подобные идеи активно развиваются в концепции контрмодернизации В.А. Красильщикова. Признавая тот факт, что реформы 60-х гг. XIX в. упразднили средневековые институты крепостничества и открыли движение к современному обществу в России, ученый, в тоже время, утверждает, что зашедшая в итоге в тупик имперская модель модернизации продемонстрировала полную неэффективность созданных ею институционально-политических и социальных институтов, породив непреодолимый социокультурный раскол в обществе и маргинализацию значительной части населения [6; 9].

Схожие идеи о некоей «псевдомодернизации» высказываются и в трудах другого известного ученого, философа и культуролога А.С. Ахиезера. Исследуя проблематику реформ Александра II, он отмечает, что внешним императивом к началу модернизации стало поражение России в Крымской войне и необходимость переоснащения российской армии. Однако утверждает исследователь, правительство не могло ограничиться паллиативом совершенствования инфраструктуры, проведения перевооружения, перехода на новый регламент комплектования армейских контингентов. По его мнению, военное поражение России выявило наличие глубокой державной стагнации, сущностного, проникающего кризиса в самом истэблшменте, оно поставило верхи перед неотвратимостью перемен. Рассуждая о результатах «александровской» модернизации, ученый указывает, что позитивными последствиями реформ можно считать лишь юридическое освобождение крестьян, ликвидацию внеэкономического принуждения, а также формирование предпосылок национальной гражданской политической жизни. Поэтому А.С. Ахиезер считает, что реформы второй половины XIX в. являются ярчайшим примером псевдомодернизации. Доказывая свою правоту, Ахиезер отмечает, что изначально перспективные, обнадеживающие, вдохновительные интенции, так и остались лишь интенциями, ибо:

- 1) основная масса земель осталась у дворян неспособных вести их обработку;
- 2) не везде и не во всем было ликвидировано внеэкономическое принуждение крестьян;

- 3) не нашла своего разрешения одна из важнейших реформаторских задач – внедрение в монархический строй начал конституционности;
- 4) реформа не выработала механизмов гражданской консолидации общества;
- 5) «александровская» фронтальная модернизация не извела российских цивилизационных рудиментов, таких, как всеобщий крепостнический строй и отсутствие гражданского общества.

Кроме того, «Великие реформы» не затронули также вопросов становления и развития правового государства, в результате чего, так и не был найден консенсус государства и общества, власти и права. Более того, реформы привели к тому, что по пути либерализма пошла лишь крайне ограниченная часть народа. Основная же масса населения, жившая в сельских общинах, а также переселившаяся в города, но сохранившая старые традиционные ценности, практически не вышла за рамки крепостничества. Невозможность провести правительством Александра II модернизацию по западным образцам А.С. Ахиезер объясняет тем, что «Россия – расколота цивилизация», правящий слой которой стремясь к модернизации, видел в ней только средства умножения дефицитных ресурсов, а народные массы отторгали ее как разрушителя привычного уклада и образа жизни [2; 12].

К негативным оценкам модернизационного потенциала реформ Александра II можно отнести и точку зрения В.Г. Хороса. Говоря о России как о втором эшелоне мировой модернизации, историк отмечает, что все «александровские» преобразования, осуществлялись исключительно «сверху», бюрократическими методами, под полным контролем традиционалистских элит. Это никак не могло способствовать утверждению в России таких важнейших столпов модернизации как частная собственность, гражданское общество и правовое государство. Хотя исследователь и признает, что реформы 1860–1870-х гг. открывали путь модернизации капиталистического типа, тем не менее, он отмечает, что стимулируя развитие капиталистических отношений в России, самодержавно-бюрократический режим одновременно всячески тормозил их, что привело к неполноте и непоследовательности «александровских» преобразований.

Так, Хорос отмечает, что ликвидация крепостного права была абсолютно непоследовательной, растянулась на десятки лет, в течение которых сохранялась хозяйственная и правовая зависимость крестьян от помещиков. В подвергнутой частичной реформации сфере промышленности автор также выделяет негативные тенденции, связанные с формированием обширного государственного сектора экономики и соответствующим этим процессам контролем государственно-бюрократического типа над только что начавшим свое движение процессами индустриализации. В качестве вывода к своим научным изысканиям, Хорос приводит тезис о том, что реформы второй половины XIX в. были пределом модернизаторской деятельности самодержавно-бюрократического режима, дальше которого он идти не хотел [15].

Отметим, что данные концепции контр- и псевдомодернизации представляются слишком пессимистичными и не совсем отражающими историческую

действительность. Представление о российской модернизации лишь как о некоей субоптимальной попытке выйти на путь развития передовых европейских обществ и сведение ее до уровня абсолютно неэффективной контрмодернизации во многом противоречит историческим реалиям. Даже в условиях «вторичности» модернизационного процесса и его догоняющего характера нельзя отрицать тот факт, что проводимые, в том числе и во время «Великих реформ», модернизационные преобразования во многом давали положительные результаты. Несмотря на некоторые негативные явления, ставшие закономерными последствиями модернизации, данный процесс несомненно стимулировал развитие капитализма и рыночных отношений в имперской России. Он способствовал формированию институтов частной собственности, гражданского общества и правового государства.

Более положительную оценку «александровской» модернизации дает Л.И. Семенникова, работающая на стыке модернизационной и цивилизационной парадигм. Взяв за основу идею о цивилизационной неоднородности российского социума, она отмечает, что главной целью прогрессивных реформ Александра II, было стремление обеспечить единство российского общества на европейской основе. Исследовательница считает, что в своей преобразовательной деятельности царь-освободитель продолжил курс Петра Великого на всестороннюю модернизацию страны. И если Петру удалось европеизировать лишь государственные элиты, породив тем самым социокультурный раскол российского социума, то Александр II должен был преодолеть эту социокультурную пропасть путем трансформации абсолютно всех «состояний» Российской империи в модерное общество западного типа. Более того, историк отмечает, что «Великие реформы» Александра II были гораздо глубокой и эффективной, по сравнению с «петровской», модернизацией. Это была попытка за ограниченное количество времени провести широкомасштабные изменения одновременно во всех сферах жизни российского социума: общественно-политической, социально-экономической, духовно-культурной. Однако, по мнению Л.И. Семенниковой, полностью добиться поставленной цели всеобщей европеизации населения Российской империи государю так и не удалось по причине противоречивости и непоследовательности проводимых реформ [13].

Российский философ, историк, политолог и социолог С.Н. Гавров видит в реформах царя-освободителя в основном позитивные тенденции. Общий процесс российских модернизационных изменений ученый рассматривает как чередование моделей имперской и либеральной модернизации при общем магистральном и доминирующем имперском консервативном охранительном варианте. Как и многие другие исследователи (например, упомянутый выше Хорос), выделяя в качестве одного из основных катализаторов «Великих реформ» внешнеполитический фактор Крымской войны, исследователь проводит параллель с «петровской» модернизацией, отмечая что ее внешним императивом тоже был военный фактор Северной войны. Ставшая очевидной в середине XIX в. военная слабость России, а также определенная стагнация в социально-экономической сфере, потребовали коренных

реформ, как и за полтора века до этого. Но в этот раз реформы пошли вглубь, переворачивая все социальное устройство общества, открывая дорогу для капиталистического этапа развития страны. Впервые в российской истории, замечает исследователь, реформы проводились в интересах всего общества, а не только властного субъекта, даже не смотря на внешнее сохранение имперской атрибутики и геополитики. В итоге своего исследования модернизационных преобразований 60–70-х гг. XIX в. С.Н. Гавров заключает, что несмотря на все свои недостатки, «Великие реформы» представляли собой единственную наиболее значимую в истории России попытку модернизации по либеральной программе, когда реформировались не только технологии, но и социальные институты [3].

Продолжает развивать идею общего положительного влияния реформаторской деятельности Александра II и известный современный исследователь эпохи его правления Л.Г. Захаров. По ее словам: «Александр II считал необходимым проведение либеральных преобразований, использовал программу «либеральных бюрократов» с целью изменения существующей государственной системы, несостоятельность которой обнаружилась во время Крымской войны». Рассматривая модернизационные преобразования середины XIX столетия как огромный позитивный шаг от регулярного военно-бюрократического полицейского государства к правовому, она как и другие уже упомянутые историки подчеркивает, что реформы носили незавершенный характер, а приобщение населения к европейской жизни в формате гражданского общества происходило в условиях усиления контроля государственной власти над экономикой и обществом. Тем не менее, по мнению Захаровой, «Великие реформы» открывали путь к созданию гражданского общества, были нацелены на развитие национального самосознания народа, воспитание в нем чувства достоинства, преодоление рабства, укоренившегося в поколениях русского крестьянства [4].

Наиболее ярким представителем оптимистической трактовки российской истории рубежа XIX–XX вв. является современный питерский историк Б.Н. Миронов, всецело поддерживающий позитивную оценку «александровской» модернизации. Выдвигая на первый план своих исследований проблемы роста основных показателей «биостатуса» жителей Российской империи, Миронов рассматривает модернизационные трансформации «александровской» эпохи с точки зрения роста благосостояния населения. В связи с этим историк отмечает, что в период «Великих реформ» и ближайший пореформенный период в стране происходил интенсивный экономический рост, который не только увеличил объемы национального дохода государства, но и позитивно сказался как на уровне демографического воспроизводства населения, так и на уровне роста качества жизни подданных Российской империи в целом. Более того, подводя итог своему исследованию, Миронов делает вывод о том, что вопреки устоявшемуся в советской исторической науке мнению, во второй половине XIX – начале XX вв. Российская империя не только не находилась в состоянии перманентного системного кризиса, но наоборот была на пике непрерывной форсированной глобальной модернизации, в ходе которой

страна органически и на паритетных основаниях вошла в общемировую систему [8].

В статье, посвященной 150-летию крестьянской реформы, российский историк А.Н. Медушевский отмечает, что любые процессы модернизации могут проходить в правовых и не правовых формах. Первый путь представляет становление в обществе новой картины мира, основанной на ценностях секуляризации сознания, рационализма и открытого информационного обмена. Второй – это путь внедрения ограниченных технологических инноваций, не затрагивающих изменение общественного сознания. «Великие реформы», с точки зрения исследователя, являются ярчайшим примером правовой модернизации традиционного общества, заключающейся в фундаментальной социокультурной трансформации, обеспечивавшей переход от сословного общества к гражданскому, становление демократических институтов и каналов социальной коммуникации [7].

В общем позитивном ключе рассматриваются основные аспекты «александровской» модернизации и в работах представителей «уральской школы модернизации» (В.В. Алексеев, И.В. Побережников, А.В. Сперанский и др.) [10; 11; 14]. Странники данного научного направления трактуют российские модернизационные трансформации как многомерный и многолинейный процесс не сводящийся только лишь к процессам вестернизации. По мнению ученых, российское государство, базируясь на традиционалистской основе, проводило модернизацию, используя с разной степенью эффективности как экзогенную диффузию, так и эндогенные инновации.

Так, в отношении модернизации эпохи правления Александра II Е.В. Алексеева отмечает, что важнейшим фактором этих изменений, обеспечивающих более-менее стабильное развитие страны, было укрепление финансов, развитие промышленности и усиленное железнодорожное строительство, т.е. государство прилагало усилия на проведение изменений в тех сферах, в котором оно существенно отставало от своих западноевропейских коллег [17]. Другая уральская исследовательница Е.Ю. Казакова-Апкаримова в статье, посвященной изучению процессов модернизации и формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. указывает, что обозначенный период стал особым этапом в становлении гражданского общества в России. «Великие реформы» Александра II внесли значительные изменения в общественную жизнь российского города, дали толчок развитию гражданской инициативы. Более того, как и Б.Н. Миронов, автор отмечает, что общественный порыв эпохи «Великих реформ» Александра II, продолжавшийся вплоть до Первой мировой войны, являлся периодом самой динамичной модернизации в российской истории [5].

В трудах адептов «уральской школы модернизации» реформы Александра II предстают одним из проявлений эволюционной «имперской» модели модернизации, направленной на трансформацию традиционного уклада жизни российского общества. Уральские ученые считают, что проводимые по инициативе «сверху», реформы Александра II открыли российскому социуму двери в эпоху модерна. В пореформенный период промышленный сектор экономики развивался настолько

активно, что уральские историки говорят даже о раннеиндустриальной модернизации, развернувшейся во второй половине XIX столетия. Так С.А. Нефедов считает, что «александровская» модернизация и сопровождавшие ее институциональные перемены имели огромное политическое и социально-экономическое значение, породив новые капиталистические отношения, а вместе с ними и новые социальные группы и классы: промышленный пролетариат, промышленную буржуазию, интеллигенцию. Однако уральские ученые делают неутешительный вывод. По их мнению, модернизация «александровской» эпохи лишь комплексно и относительно бескровно устранила отжившие формы государственного устройства, не поколебав многовековых устоев российской цивилизации [1].

Таким образом мы видим, что в отечественной историографии сложился довольно широкий спектр историографических оценок хода и последствий «александровских» модернизаций, как положительных, так и отрицательных. Однако большинство современных исследователей, указывая на наличие недостатков модернизационных преобразований Александра II, все-таки отмечают преобладание в них позитивных характеристик. Доминирует точка зрения, что «Великие реформы» послужили не только толчком к развитию институтов капитализма, частной собственности и либеральной демократии в России, но и благоприятно повлияли на политическую, экономическую и социокультурную сферы жизни российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / под ред. И.В. Побережникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2-х т. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. Т. 1. 804 с.; Т. 2. 600 с.
3. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: ЕдиториалУРСС, 2004. 352 с.
4. Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 150–161.
5. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Модернизация и формирование гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2008. С. 63–74.
6. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40 – 56.
7. Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация в России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27.
8. Мионов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
9. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / А.Р. Белоусов, В.П. Гутник, В.А. Красильщиков В.И. Кузнецов. М.: Информарт, 1994. 115 с.
10. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / под ред. В.В. Алексеева. М.: Наука, 2000. 244 с.
11. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
12. Реформы и контрреформы в России / А.С. Ахиезер, В.В. Ильин, А.С. Панарин. М.: Изд-во МГУ, 1996. 398 с.
13. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 2000. 539 с.
14. Сперанский А.В. Модернизация в России: перекресток мнений // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. С. 27–39.
15. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманитарного образования, 1996. 170 с.
16. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX века: пространственно-временной аспект / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2011. 383 с.
17. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / под ред. И.В. Побережникова. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 340 с.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и социальных технологий УрФУ, действ. член Международной академии наук о природе и обществе, Военно-исторической Академии России, Академии инженерных наук, Почетный работник высшего профессионального образования, член Союза журналистов России (специальность 07.00.02)